

Л и т е р а т у р а :

1. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект) : монография. – Киев, 2008.

Хруцька Н. В. Закон економії мовних засобів як основна причина варіантності морфологічної підсистеми сучасної російської мови.

У статті розглядається динаміка морфологічної підсистеми російської мови на сучасному етапі під впливом конкуренції морфолого-фонематичних варіантів на основі дії інтралінгвістичного закону економії мовних засобів.

Ключові слова: морфологічна підсистема, закон економії мовних засобів, варіантність.

Chrutka N. The law of economy linguistic means as a main reason of the variations morphological subsystem modern Russian language.

Dynamics of Russian language morphological subsystem based on cost effectiveness law under the influence of a competition of various types' variants at the present stage are considered in the article.

Keywords: morphological subsystem, linguistic cost effectiveness law, variability.

Шановалова И. В.

**Луганский государственный институт
культуры и искусств (Украина)**

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
“ПРОСТРАНСТВО” В ИДИОЛЕКТЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ**

Изучение особенностей языковой репрезентации художественных концептов в поэтических идиолектах с точки зрения когнитивной лингвистики особенно актуально в настоящее время, так как позволяет выявить и описать особенности мировосприятия поэта. Для материала выбран миницикл Беллы Ахмадулиной, состоящий из трех стихотворений, тематически тесно связанный с концептом “пространство”, одной из основных категорий художественной картины мира автора.

Ключевые слова: художественный концепт, идиостиль, идиолект, языковая репрезентация, пространство, время.

Категория пространства относится к группе основных категорий мировосприятия, являясь, наряду с категорией времени, “основной формой бытия” (В. Г. Гак). Концептуализация этого понятия в художественном тексте в результате рефлексии автора как носителя языка получает свою актуализацию прежде всего в антропоцентрической парадигме современного научного знания. Художественный концепт “пространство”, входя как структурный элемент в концептосферу идиостиля поэта, фиксируя его индивидуальное сознание (в отличие от концепта-универсалии, в котором отражается коллективное сознание), получает свое воплощение через индивидуально-авторскую систему языковой репрезентации.

В исследовании художественного концепта используются достижения разных областей лингвистики, отраженные прежде всего в работах по когнитивной лингвистике и когнитивной поэтике (Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, И. А. Тарасова), психолингвистике (А. А. Залевская, Р. М. Фрумкина), лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия), коммуникативной стилистике и стилистике художественного текста (Н. С. Болотнова; Л. Г. Миллер, Е. В. Сергеева). При изучении данного феномена акцент делается на сущностных свойствах художественного концепта: его субъективности и эстетической природе, обязательной лексической репрезентированности, одновременно проявляемых в тексте динамичности и изменчивости в сочетании с устойчивостью. В

работах В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева, Е. В. Сергеевой, И. А. Тарасовой особое внимание уделяется теории художественного концепта и его современным трактовкам, особенностям концептуального анализа художественного текста.

Творчество Беллы Ахмадулиной – одно из самых ярких и значительных явлений в русской словесности второй половины XX века, ставшее продолжением и воплощением классического наследия в поэзии. Она, как отмечает В. А. Маслова, идет „тропую вековых хождений” по стопам А. С. Пушкина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Б. Пастернака, видя в культурном пространстве и свое место: *Я знак, я намек на былое...*” [3, с. 194].

Цель статьи – выявить специфику языкового наполнения концепта “пространство” в поэтическом идиолекте (структурном компоненте идиостиля) Беллы Ахмадулиной.

Материалом для исследования стал своеобразный поэтический миницикл, формирующийся из трех стихотворений: “Ревность пространства. 9 марта”, “Милость пространства. 10 марта” и “Строгость пространства. 11 марта” [1, с. 24-30], объединенных прежде всего местом и временем создания – Таруса, 9-12 марта 1981 г., а также предпосланными посвящениями Борису Мессереру, мужу Беллы Ахмадулиной, театральному художнику, живописцу, графику. На идею объединения в цикл “работает” и само слово “пространство”, вынесенное в сильную позицию текста – название; становясь ключевым во всех трех текстах, оно выступает в данном случае как смысловой стержень, вокруг которого формируются более простые пространственные категории.

В качестве основного средства репрезентации концепта “пространство”, как показывают наблюдения, выступает лексика с изначально присутствующей пространственной семантикой (существительные *даль, близь, простор, поле, улица, дорога*; наречия *вглубь, окрест, вокруг, кругом, здесь*).

От слова “пространство” в заглавии протянуты нити к более простым пространственным категориям, и прежде всего к конкретным местам. Так, в рассматриваемых лирических текстах формируется система имен собственных, связанных с местом создания стихотворений – *Паршино (Паршино-село), Таруса, Пачёво* и *Ока*. При помощи топонимов пространство получает свое конкретное воплощение и наполнение, при этом в данном случае в большей степени осуществляется духовно-историческая “наполненность” топонимов. Все ИС ассоциативно тесно связаны с особо значимыми для автора именем и судьбой Марины Цветаевой (об этом свидетельствуют многочисленные эссе, посвященные творчеству последней). Таким образом, топонимы можно рассматривать как воплощение интертекстуальных переключек с иным временем (Серебряным веком), т. е. они не только воплощают ориентиры в пространстве (в видимом мире), но и дополняются ориентацией во временах и в духовных (невидимых) мирах.

Репрезентацию невидимого (духовного) пространства через видимый предметный мир помогает осуществлять предметная лексика, называя те материальные объекты, за счет которых конституируется пространство в сознании конкретного человека. При этом выстраивается своеобразная модель открытого / закрытого пространства: *косогор, поворот, впадина, откос, ручьи, вербы, черемуха; храм, дом, порог, окно, тетрадь, бумага, чернила*.

Ведущими при восприятии пространства являются зрительные ощущения, поэтому в поэтических текстах доминируют “зрительные” (или тесно связанные с ними) лексика и образы: *Здесь поворот – но здесь не разглядеть / от Паршина к Тарусе поворота; Вплотную к зрению поднесен простор, / нет, привнесен, нет, втиснут вглубь, под веки; ...и встречный стопор взору моему / зовет, как все его зовут: метелью; Даль – в белых*

нетях, близь – неглубока, / она белка, а не зрачка виденье; Но в этот раз ее провидит лошадь; Как школьник в труд радивого соседа / шлет глаз крадущий...; ...как бы меня во сне не провели / влянья неба, шлющие с откоса / зеленый свет в зеницу полыньи; И слепнущему взору даль представляется младою и нагой; ...а я, под утро, из теплыни ватной / кошусь в окно; ...то гением глядел, то взглядывал злодеем; Как сумрачно глядит пространство-нелюдим). Все пространство миницикла пронизано белым цветом, ассоциативно тесно связанным с еще не ушедшей зимой, а также “зимними” образами: Стоит в глазах и простоит весь день / все-белизны сплошная поволока; даль – в белых нетях; Какого рода белое окрест, / если оно белее, чем природа?; ...и встречный стопор взору моему / зовет, как все его зовут: метелью; Белеют вместе цельность и подробность; Во впадине под ангельским крылом / вот так бело и так темно должно быть; Вот мучит белизною самодельной, / но и прощает этой белизной / вину моей отлучки семидневной; Тот цвет, что белым мною вкратце назван, – / сильней и безымянней белизны; все поведенье снега; Еще пишу: отвьюжило, отмглылось, / Оке наскучил закадычный лед; ...ты льдины в память льдиц возводишь впотьмах; День стужу затевал; а также с белизной листа, на котором рождается стихотворенье: Равна моим чернилам белизна; ...опыт белой росписи по мраку.

Пространственное (зрительное) восприятие у Беллы Ахмадулиной обогащается явлением синестезии, объединяя ощущения разных модальностей, что делает восприятие мира объемным и многомерным: Вход в этот цвет лишь оцупи отверст; ...хихикнул чей-то синий голосок; Усилен воздух нежным и нетвердым / сияньем, равным четверти луны.

Одним из основных приемов, характеризующих поэтический идиолект Беллы Ахмадулиной, является переосмысление лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности различных концептуально значимых понятий, среди которых и категория пространства: в художественном мире поэта “одухотворяется” все окружающее ее. Так, пространство обретает возможность “переживать” человеческие чувства и состояния: ревность, милость, строгость. Интересным приемом, как представляется, является повтор автором слова “пространство” в третьей от конца строфе каждого стихотворения, несмотря на разное количество строф (“Ревность пространства. 9 марта” и “Строгость пространства. 11 марта” состоят из 10 строф, “Милость пространства. 10 марта” – из 16). И именно в конце каждого текста осмысливается и получает развитие тема “одушевленности” категории, название которой вынесено в сильную позицию текста. Так, в первом стихотворении возникает образ пространства – лютого сводника “чела и ремесла”, мысли человека и творчества, что позволяет рассмотреть лексическое наполнение слова “сводник” (т. е. тот, кто сводит, объединяет, соединяет) в положительном, а не в традиционно негативном смысле:

*У грешного чела и ремесла
нет сводника лютее, чем пространство.*

*Оно – влюбленный соглядатай мой.
Вот мучит белизною самодельной,
но и прощает этой белизной
вину моей отлучки семидневной.*

(Подобную авторскую трансформацию коннотации можно обнаружить и у слова “выродок”: *День – выродок из дней, хоть выходец из марта, / один, словно поэт – всегда чужой в роду.*)

У Б. Ахмадулиной пространство получает “человеческие” характеристики и ведет себя вполне “по-человечьи”: *ревнует, мучит, прощает, творит; смеется; шалит, не приемлет шуток.* Впрочем, прием “одушевления” можно рассматривать как закономерное явление для всего миропонимания поэта в целом, поэтому вполне закономерны образы и *капли-вещуньи*, которая *навзрыд вещает*, и *молчащего стихотворенья, удивляющихся* (вместе в автором) *часов*, и *окна, ярко лгущего*, и т. д.

Отметим, что пространство у Беллы Ахмадулиной практически всегда выступает в паре со временем, являющимся также неотъемлемым атрибутом бытия, что лежит в основе, как представляется, их *разомкнутости*, открытости (при личной, как отмечает литературовед Т. В. Алешка, автор первого диссертационного исследования на постсоветском пространстве по творчеству Б. Ахмадулиной, замкнутости, некоммуникабельности: “Белла Ахатовна была очень закрытым человеком, немногих подпускала к себе близко, была избирательна в отношениях с людьми” [Цит. по : 2]). Разомкнутость можно рассматривать как основное свойство, по определению А. Кульбы, большинства стихов Ахмадулиной в целом: “Они начинаются с пустяка, со сценки под окном, с бормотания под нос, с попытки заговорить, заглянуть в свою душу. А потом вдруг вид за окном и душа на глазах преображаются и становятся одной вселенной, где правят не обыденное равнодушие, не корысть, не одно из низких чувств. Мир как будто извлекается из немоты и творится заново: вода, которая, булькая, течет из крана, начинает говорить по-грузински, самолеты превращаются в маленьких Соломонов, дождь – в огонь... И кончается – без окончания, без морали – образом, точно ключиком, положенным в руку как бы с призывом продолжать эту культурную экспансию: заполнять заданную интонацию уже собственными переживаниями и словами. Ну или, в крайнем случае, вспоминать прочитанное стихотворение – с любого места” [2].

На эту разомкнутость пространства “работают” и глаголы движения и статики, которые указывают на особенности перемещения человека в пространстве (*стоять, простоять, поднести, привнести, втиснуть, сужать, восстать, бежать, убрать, послать, подступать* и т. д.). Однако у Ахмадулиной движение, скорее и чаще, не физическое – простое перемещение тела и предметов в видимом пространстве, а движение души – погружение в себя и в окружающий мир, их постижение, открытие: “...*пусть ум поможет продвигаться телу*”.

Таким образом, можно отметить, что пространство у Беллы Ахмадулиной представлено и наблюдаемым (в формах, линиях, цвете, предметах, движении и т. д.), и “домысливаемым” (пространство творческого процесса, место работы духа). Такое осмысление пространства позволяет найти отголоски влияния творчества О. Э. Мандельштама, которым было создано “новое для русской поэзии ощущение: человек присутствует не просто в конкретном месте, но в пространстве. Человек не просто проходит расстояние, но постигает и осваивает пространство... не просто находится в пространстве, но находит себя в нем” [4, с. 13-14]. Однако, в отличие от лирического героя Мандельштама, человек в поэтическом мире Ахмадулиной не только “обитатель пространства” [Там же], но и обитатель времени, рассматриваемом во всех его проявлениях: от мига до вечности. Этому способствует, помимо прочего, и соприсутствие в названии, помимо словосочетания, в состав которого входит ключевое слово “пространство”, обязательная примета времени (9 марта, 10 марта, 11 марта), и ставшая одной из характерных примет творчества точная датировка времени и места “появления на свет” того или иного произведения.

Пространство и время соединены, объединены в сознании Ахмадулиной, являются формами существования одновременно и быта, и бытия, и всё, попадающее и располагающееся в этой её, личной, “системе координат”, становится важным звеном не только в ощущении мира, но и в процессе размышления о мире. Это позволяет вместе с автором двигаться по ступеням постижения пространства и времени – от конкретного места (точки) до Вселенной, от мгновения до Вечности.

Таким образом, можно отметить, что индивидуально-авторская специфика структуризации художественного концепта “пространство” в идиолекте Беллы Ахмадулиной как отражение авторского мировосприятия наиболее ярко проявляется в отборе топонимов, предметной лексики, глаголов с семантикой движения и статики, а также в их оценочном компоненте. Прием “одушевления” категории пространства лежит в основе построения общей художественной картины мира поэта и позволяет постигать его через авторские ощущения и со-ощущения читателя. Репрезентация концепта “пространство” отражает особенности мировосприятия и самоидентификации поэта.

Как перспективное видится дальнейшее изучение особенностей индивидуально-авторской репрезентации концептов “пространство” и “время” с привлечением большего объема исследуемых и поэтических, и прозаических текстов Беллы Ахмадулиной.

Л и т е р а т у р а :

1. Ахмадулина Б. А. Ночь упадания яблок. – М., 2010.
2. Кульба А. Код Ахмадулиной // <http://www.nsad.ru/index.php?issue=9999§ion=10000 &article=1539&print=1;> http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2011/7/27/kod_ahmadulinoj/
3. Маслова В. А. Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд. – М., 2006.
4. Панова Л. Г. Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.02 “Русский язык”. – М., 1998.

Шапвалова І. В. Індивідуально-авторська репрезентація концепту “простір” в ідіолекті Белли Ахмадуліної

Вивчення особливостей мовної репрезентації художніх концептів у поетичних ідіолектах з погляду когнітивної лінгвістики особливо актуально в наш час, тому що дозволяє виявити й описати особливості світосприйняття поета. Для матеріалу обрано мініцикл Белли Ахмадуліної, що складається з трьох віршів, тематично тісно пов'язаних з концептом “простір”, однією з основних категорій художньої картини світу автора.

Ключові слова: художній концепт, ідіостиль, ідіолект, мовна репрезентація, простір, час.

Shapovalova I. V. Individually-authorial representation of concept “space” in the idiolect of Bella Akhmadulina

Study of features of the artistic concepts language representation in poetic idiolects from the point of view of cognitive linguistics is especially up up-to-date, because allows to educe and describe the peculiarities of the poet’s perception of the world. As the material the mini-cycle of Bella Akhmadulina, consisting of three poems, thematically closely associated with the concept “space” is chosen, which is one of the basic categories of the author’s artistic world picture.

Keywords: artistic concept, idiostyle, idiolect, language representation, space, time.